

УДК 94(479)''1500/...''

UDC 94(479)''1500/...''

**СПЕЦИФИКА РАННЕГО ФРОНТИРА
НА КАВКАЗЕ¹****SPECIFICITY OF EARLY FRONTIER IN THE
CAUCASUS**

Романова Анна Петровна
д.ф.н., профессор
*Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия*

Romanova Anna Petrovna
Dr.Sci.Phil., professor
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Статья посвящена анализу раннего фронта на Кавказе. В статье доказывается правомерность употребления понятия «ранний фронт» для этого периода российской-кавказской истории. Автор, опираясь на классические критерии фронта, предложенные еще Д. Тернером, сравнивает основные характеристики раннего американского и кавказского фронтов. В процессе анализа выделяются общие и специфические элементы межкультурных коммуникаций этого периода, которые формируют основные механизмы функционирования фронтального сообщества. В статье показано как фактор «промежуточности» определяет гетеротопный, неустойчивый, реверсивный, трансгрессивный характер основных процессов и межкультурных коммуникаций, протекающих на этапе раннего фронта. Методология данного исследования может быть использована для анализа различных типов и этапов фронта, как исторических, так и современных

This article analyzes the early frontier in the Caucasus. In this paper we prove the legality of the use of the concept of "early frontier" for the period of the Russian-Caucasian history. The author, basing on the classic criteria of frontier offered by Turner F.J., compares the main characteristics of early American and Caucasian frontier. During the analysis I allocate the general and specific elements of intercultural communication of this period, which forms the basic mechanisms of frontier community. The article shows how the factor of "intermediate" defines heterotopic, unstable, reversible, transgression nature of the basic processes and intercultural communication occurring during early frontier. The methodology of this study can be used to analyze different types and stages of the frontier, both historical and contemporary

Ключевые слова: ФРОНТИР, МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ, КАВКАЗ, ГЕТЕРОТОПИЯ, ТРАНСГРЕССИЯ

Keywords: FRONTIER, INTERCULTURAL COMMUNICATION, CAUCASUS, HETEROTOPIA, TRANSGRESSION

1. Введение

Любая социально-культурная, историческая реконструкция процессов, протекавших в далеком прошлом, весьма условна. Однако для того, чтобы лучше понять современные события, мы должны попытаться проанализировать процессы прошлого, в которых зарождались ныне действующие закономерности.

В данной статье мы не претендуем на полную и четкую историческую реконструкцию основных событий этапа раннего фронта

---

¹Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме. «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий» Код проекта 392 2014-2016

на Кавказе. Эта задача чрезвычайно сложна в силу скудости архивных документов и нарративных источников того периода, особенно по сравнению с количеством источников аналогичного периода американского фронта. Более того, существует целый ряд версий относительно времени, характера проникновения, первых переселенческих отрядов с территории Руси на Кавказ, а также их состава, которые часть противоречат друг другу [1]. Мы не будем на них подробно останавливаться, поскольку нашей задачей является не историческая реконструкция, а применение фронтальной методологии к исследованию Кавказа. Дело в том, что большинство исследователей не рассматривают ранний период заселения русскими Кавказа с позиции фронта. Даже признающий факт существования кавказского фронта и дающий собственную его периодизацию А.Т. Урушадзе начинает вести его отсчет со второй половины XVIII века [2]. Мы же попытаемся показать, что период XVI–XVII веков можно назвать этапом раннего фронта как с позиции базовых характеристик данных Тернером, так и с точки зрения протекания там межкультурных коммуникаций. Мы попытаемся выделить основные закономерности, которые позволят нам обозначить этот процесс как «ранний фронт» на Кавказе.

Термин «ранний фронт» предложен молодой отечественной исследовательницей О.С. Якушковой, которая положила в основу своей типологизации не просто классический линейный цивилизационный подход, а характер коммуникационных процессов, происходящих на территориях фронта. На основе исследования американского материала она выделяет три разных типа фронта: ранний фронт, собственно фронт и постфронт, каждый из которых характеризуется своим типом культурного диалога [3]. Надо заметить, что по отношению к фронту процесс типологизации не является чем-то законченным. Не существует единой общепринятой типологии. Некоторые процедуры типологизации

были осуществлены самим Тернером. Однако наибольшее внимание этому вопросу уделил Р.А. Биллингтон. В основу его типологии (более 20 типов фронта) были положены географический и исторический принципы. Предложенные им типы или формы фронта (трапперский, шахтерский, торговый и т.д.) носят ярко выраженный хозяйственный характер [4]. В российской науке тоже был осуществлен ряд попыток структурирования и типологизации фронтальных процессов. Выделяя три структурных элемента фронта: внешний, внутренний и внутрицивилизационный. М.В. Шиловский определяет их как виды фронта [5], А.С. Хромых как стадии одного и того же фронта [6]. А.И. Широков, отходя от чисто исторической трактовки фронта, рассматривает его как волновой процесс и считает возможным применить эту методологию к процессам освоения Сибири в XX веке [7]. Типологизация, предложенная О.С. Якушениной, взята нами за основу и, применительно к Югу России, была дополнена С.Н. Якушениным и А.П. Романовой еще одной стадией и в определенной степени типом фронта – рефронтом [8]. В данном случае, применительно к Кавказу, мы можем выделять и основные этапы, характерные для части территорий Кавказа, так и отдельные типы фронта применительно к отдельным регионам Кавказа.

Ранее мы дали общую характеристику основным этапам Кавказского фронта [9], в данной статье попытаемся проанализировать его начало.

2. Ранний фронт на Кавказе и его характеристики

За определенную точку отсчета, позволяющую нам далее вести сравнительный анализ, мы возьмем основные характеристики американского раннего фронта, выявленные на основе тщательного анализа американской фронтальной литературы, исследовательницей О.С. Якушениной. «Фронт этого времени – это не статичное явление, не крепостная стена, а сооружение в большей степени идеологическое,

разделявшее мир колонистов и мир индейцев», – пишет Якушенкова О.С. «Первый контакт этих двух миров принимал несколько форм – форму соглашения, компромисса, сосуществования и форму конфронтации» [3].

Начало американского фронта исследователи датируют датой основания Джеймстауна в Вирджинской колонии в 1607 г. На этот момент основы английской культуры как европейской уже были сформированы. На территории Америки происходила встреча двух разных по уровню мировосприятия и организации социума культур. Естественно, это был сложный процесс, который Тернер назвал встречей цивилизации и дикости [11].

На этапе раннего фронта возникают первые слабые межкультурные контакты, в условиях, когда пришлое население количественно значительно меньше аборигенного и вынуждено во многом считаться с ним и уподобляться ему для элементарного выживания [12]. В этот момент образ индейца, человека по другую сторону фронта, амбивалентен – это «враг/союзник» [3]. Причем на данном этапе образ врага не является доминантным, а контакты – конфронтационными. Они носят хаотичный характер и представляют собой чаще всего взаимовыгодный обмен.

Точка отсчета Кавказского фронта в отечественной науке определяется А.Т. Урушадзе с момента создания Азово-Моздокской укрепленной линии (1777 г.) [2]. Однако с нашей точки зрения, как фронт, этот процесс на Кавказе начинается гораздо раньше, с середины XVI в. Первыми «фронтирмэнами» можно считать новгородских ушкуйников и выходцев из Рязанского княжества, казаков Червленого Яра, бежавших оттуда после присоединения Рязани к Москве [15]. В «Хрониках гвардейских казачьих частей, помещённых в книге Императорской гвардии», даже указывается дата этого побега – 1520 г. Именно из числа беглецов и начинает формироваться гребенское и терское казачество [16].

О появлении первых фронтирных линий можно говорить с момента построения укрепленного городка на Тереке, по одной версии, казаками или разбойниками во второй половине XVI в. [17], по другой, Иваном Грозным в 1563 г. [18], по третьей в устье Сунжи в 1567 г. [19]. В любом случае ранний Кавказский фронтир как минимум на полвека старше американского.

Вообще датировка появления гребенского и терского казачества на Кавказе у исследователей весьма различна, как собственно, датировка строительства и разрушения городков на Тереке и Сунже, а также их координаты. «Вероятнее всего, – пишет С.А. Козлов, – *подвижные, курсировавшие* (курсив А.Р.) по всему Терско-Сунженскому бассейну казачьи сообщества почти параллельно осваивали как устье и низовье Терека, так и гребни Терского хребта и далее правобережье Сунжи. Казаки продвигались от терского устья все дальше вглубь за междуречье Терека и Сунжи» [20].

Но для раннего фронта вообще характерны реверсивность, возвратность, изломанность линий, подвижность, отступления, непрочность и зыбкость, в гораздо большей степени, чем для этапа фронта.

Посмотрим, какие из базовых признаков фронта, предложенных Тернером, характерны для раннего этапа кавказского фронта. В его работах диффузно содержатся следующие признаки фронта: окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д. [11]. Мы не будем пока коррелировать с более полной и представительной систематизацией фронтирных характеристик, предложенной Басалаевой

[22], мы на данном этапе рассматриваем только тернеровскую «фронтирную классику».

Если говорить об окраинности, как характеристике раннего этапа Кавказского фронта, то на тот момент, когда первые поселенцы бежали на территорию Кавказа, это не была даже окраина России. Астраханское ханство еще завоевано не было. С момента его присоединения к России в середине XVI в. (1556 г.) эта территория становится, по сути, территорией «между», т.е. именно фронтирной, где проживают и кавказские этносы различных конфессий, часть из которых на тот момент не имела своей государственности (чеченцы, ингуши) и находятся отдельные казачьи поселения-городки. Надо сказать, что в период раннего фронта культурный уровень и система общения по обе стороны были более или менее однопорядковыми. «Пока казаки были предоставлены сами себе, они вели себя точно так же, как их соседи, образовывая союзы то с одним, то с другим мелким правителем или с различными общинами, с которыми вступали в контакт. И даже в периоды волнений между ними не возникало вражды на национальной почве или каких-то столь серьезных конфликтов, которые они не могли бы разрешить» [17]. Более того, с обеих сторон фронта этническая и социальная структура населения была весьма гетеротопной. Она не была этнически однородной. С кавказской стороны это была масса мелких и достаточно крупных этносов, расселенных подчас весьма дисперсно. Со стороны России даже казачество не было этнически однородно. Так терские казаки, первое появление которых на Кавказе датируется 1559 г., с момента завоевания Тюмени (Терколте), «формировались из числа беглых, разрозненных групп русских людей и горских народов» [24]. Среди терских казаков было много иностранцев, причем нехристиан [17], т.е. на стадии раннего фронта это большая этническая гетеротопия, где идет смешение этносов и смазаны границы между Своими и Чужими.

Именно промежуточный (как временной, так и пространственный), гетеротопный характер раннефронтирной территории, формирует особые межкультурные коммуникации. Они, с одной стороны, более или менее *мирные*, с другой достаточно *вольные*.

Межкультурные коммуникации раннего фронта пока еще не носят явного конфронтационного характера по принципу Свой – Чужой / Враг. В постоянно возникающих и разрушаемых, переносимых с место на место крепостях, еще достаточно немногочисленные гребенские казаки «вступали в тесные дружественные отношения с соседними горскими народами»[26], жили «во вполне дружеских отношениях со многими кумыкскими и кабардинскими князьями» [17]. Они оказывали кавказским народам посильную военную и хозяйственную помощь и поддержку, вели с ними меховую торговлю» [26].

Такие достаточно позитивные коммуникативные связи складывались в силу целого комплекса причин, но, прежде всего, как и на американском фронтире, хозяйственного симбиоза. В Америке «первые волны фронтирменов активно сотрудничали с местным населением. Пришлое население нуждалось в коренном, и вместе с тем, местные жители выступало серьезным препятствием для освоения территории. Эта двойственность жизни на фронтире во многом определяла характер культурного диалога»[3] как в США, так и на Кавказе.

На этапе раннего фронта бинарная оппозиция Свой – Чужой часто замещалась отношениями «Свой – Другой». Мир с аборигенным населением, с которым жили бок о бок, ценился выше временных союзов с так называемыми «своими». Так, в 1649 г. терские и гребенские казаки вступили в стычку и не вошли в союз с донскими казаками для совместного похода на соседний ногайский аул, разместившийся на Тереке «меж казачьих городков на выходи» [30]. Казаки вместе со своими

местными союзниками совершали набеги на другие племена, расширив границы своих поселений вплоть до Каспия [17].

На этапе раннего фронта еще одной характеристикой, заявленной Тернером, является более высокий уровень личной свободы, то, что в русской культуре называется «волей». Именно в XVI в. преобладающей массой на Тереке были вольные казаки. По мнению Скрынникова, «в XVI–XVII вв. это понятие заключало в себе несколько моментов. Во-первых, в документах XVII в. можно встретить противопоставление «вольных» людей письменным. Во-вторых, вольные казаки служили добровольно, тогда как для служилых государева служба была обязательна. В-третьих, вольные казаки подчинялись только своим выборным атаманам, тогда как служилые находились в подчинении воевод» [32]. Воля была понятием достаточно расплывчатым – от разбойного беспредела до сопротивления налоговому гнету, жестоким хозяевам и религиозному преследованию. Вольный дух постепенно проникает в менталитет жителей фронта и становится характеристикой образа жизни, «когда сдержанность считалась скукой, а жизнь в собственном доме невыносимой» [17].

Очень часто вольность на этапе раннего фронта и на Кавказе, и в Америке проявлялась в свободе брачных отношений, что укрепляло позитивные межкультурные связи. Брак по сути своей был формой регуляции межкультурных коммуникаций. В США такие браки давали колонистам множество преференций, в ряде случаев они просто помогали им выжить [3]. Но и индейцы на этапе раннего фронта были заинтересованы в них, поскольку ценили ребенка от брака с белыми гораздо выше других своих детей [35]. На Кавказе гребенские казаки женились, преимущественно, на чеченках и кумычках [17]. Межкультурные браки, осуществлявшиеся на фронтальной территории, часто приводили к религиозной трансгрессии. На американском фронте пуритане не одобряли внебрачных связей с индианками. Брак был

возможен только с крещеными индианками [3]. Мусульманские жены гребенских казаков, видимо, тоже были вынуждены позднее креститься, поскольку гребенцы, сами бежав от религиозной нетерпимости, были однако более нетерпимы к иноверцам, чем представители терского казачества. Они «не признавали нехристиан, или хотя бы тех, кто не желал обратиться в христианство» [17].

Еще одной характеристикой раннего этапа фронта, по Тернеру, являлась поликонфессиональность фронтирменов, относительная религиозная свобода и, соответственно, возможность религиозной трансгрессии. На раннем этапе кавказского фронта это был важный фактор. Кроме налогового гнета и беспредела хозяев, бежать на Терек казаков заставляло религиозное преследование старообрядчества [17]. Это касалось, прежде всего, общин гребенских казаков. Исследователи приходят к различным выводам относительно стойкости и уровня приверженности их к старой вере. Дж. Баддели считал, что первое время религиозное преследование казаков практически не осуществлялось [17]. Не акцентировали внимание на характере веры казаков и Астраханские епископы в силу ее размытости. Более того, старообрядцы, бежавшие на Кавказ в более позднее время, не признавали гребенцов единоверцами. Даже Петр, суровый к старообрядцам, «приказал не тревожить старых верований гребенцов, так как служат они государю верно и без измены, «удерживаются» в мусульманском мире, не идут против церковной власти, не нарушают государственного порядка» [26]. Это еще раз подчеркивает фронтность ситуации. Не только сами фронтирмены допускали для себя определенные «вольницы и свободы», но и власти на определенном этапе признавали за ними право на волю, при соблюдении, естественно определенных условий. И только в середине XVIII века произошло ужесточение отношения к религиозному инакомыслию, приведшее к началу XIX в к практически полному переходу их в православие [17].

Однако некоторые исследователи считают, что гребенцы, сохраняя свою идентичность, «оставались старообрядцами на протяжении всего дореволюционного периода, несмотря на усиленные попытки светских и, главным образом, духовных властей привить им официальное православие» [43].

Гораздо сложнее дело обстоит с одной из базовых классических характеристик фронта – местом контакта дикости и цивилизации (Д.Тернер). На этапе раннего фронта на Кавказе вольные массы беглых казаков находились на одном цивилизационном уровне с основной массой горцев, а в некоторых случаях уступали им. «Когда мы говорим о контактах между русскими и кавказцами, то это вовсе не был контакт между цивилизованным народом и дикарями. Казаки того времени, видимо, стояли на одном уровне развития с чеченцами и кумыками и, конечно, были на более низком уровне, чем адыги, в то время подданные кабардинских князей, и сами кабардинцы» [17]. Отсутствие именно этой характеристики позволяет некоторым авторам утверждать, что нельзя назвать фронтом процессы, протекавшие на Кавказе [45], или сдвигать начало фронта на более позднее время [2]. Для более позднего периода цивилизаторская миссия России педалируется во многих исторических документах, письмах и нарративных источниках того времени [47]. Тем не менее, это была встреча различных культур, развивавшихся по своей траектории и в своем временном режиме. Поэтому в совокупности анализ основных векторов развития межкультурных коммуникаций позволяет утверждать о наличии этапа раннего фронта на Кавказе.

3. Заключение

На современном этапе концепция фронта уже давно вышла за рамки как исследования истории заселения территории США, так и исторических реконструкций в целом. Мы говорим о фронте как о

современном процессе, применяя этот термин к недавним событиям, происходившим в Чечне, к ситуации, происходящей в настоящий момент в Украине и т.д. Однако понимание того, какие механизмы запускают, если так можно выразиться «дремлющий фронтир», невозможно без реконструкции процессов, происходящих в прошлом. Естественно, что в каждом конкретном случае это происходило и происходит по-разному, но, тем не менее, основные характеристики этих процессов могут проявляться в разных коммуникационных сценариях.

Список литературы

1. Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801). Т.1. Владикавказ. 1912;ВиноградовВ.Б., Магомадова Т.С. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // История СССР. 1975. № 6. С.160–164.
2. Урушадзе А.Т. Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд.ист. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2011.
3. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире. Астрахань: Сорокина, 2012.
4. Billington R.A. WestwardExpansion: AHistoryofthe American Frontier. N.Y.: Macmillan. 1960.
5. Шиловский М.В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. 2003. Вып.3. С. 101.
6. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009.
7. Широков А.И. Социальная среда северного фронта (на примере северо-востока России) // Вестник ТГУ. 2007. № 299. С. 91–93.
8. Якушенков С.Н., Романова А.П. Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2. С. 74–80.
9. Романова А.П. Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронтир //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. №3.
10. TurnerF. J. The frontier in American history. N.Y.: Courier Dover Publications. 1996.
11. Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. М., 1953. 584 с; Ефимов А.В. К истории капитализма в США. М., 1934. 213 с.
12. Потто В.А. Кавказская война. Т.1. Ставрополь: Кавказский край, 1994. С.12
13. Казачьи войска // Справочная книжка Императорской Главной квартиры / Под ред. В.Х. Казина. Репринт. изд-е 1912 г. СПб.: Дорваль, 1992. С. 171.
14. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими 1720–1860 гг. М., 2013. С. 22.
15. Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVII – XX век. М.: Вечер, 2005. 497 с.

16. Барретт Томас М. Линии неопределенности. Северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 163.
17. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. С. 13.
18. Басалаева И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/>
19. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 59.
20. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. С. 24.
21. РГАДА. Ф. 127. 1649 г., Д. 1, лл. 226–22.
22. Скрынников Р.С. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. С. 6.
23. Lawson J. A New Voyageto Carolina, containing the exact description and Natural History of that Country, together with the present state thereof and a Journal of a Thousand Miles Travel'd thro several Nations of Indians, Giving a particular Account of their Customs, Manners. London. 1709. P. 29
24. Великая Н.Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII – начале XX вв. // Православие в исторических судьбах Юга России. 2003. Вып.16. С. 30–43.
25. Шеуджен Э.А. Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории: Сборник научных трудов; Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 2006. Вып 5. С.3-15.
26. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – XX вв. СПб.: Звезда, 2005. 720 с.

References

1. Potto V.A. Dva veka terskogo kazachestva (1577-1801). T.1. Vladikavkaz. 1912; Vinogradov V.B., Magomadova T.S. O vremeni zaselenija grebenskimi kazakami levogo berega Tereka // Istorija SSSR. 1975. № 6. S.160–164.
2. Urushadze A.T. Vzaimodejstvie kul'tur na Kavkaze v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv.: Avtoref. diss. ... kand.ist. nauk. Rostov-n/D.: JuFU, 2011.
3. Jakushenkova O.S. Zhenshhina na amerikanskom frontire. Astrahan': Sorokina, 2012.
4. Billington R.A. WestwardExpansion: AHistoryofthe American Frontier. N.Y.: Macmillan. 1960.
5. Shilovskij M.V. Frontir i pereselenija (sibirskij opyt) // Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII – XX vv.: obshhee i osobennoe. 2003. Vyp.3. S. 101.
6. Hromyh A.S. Russkaja kolonizacija Sibiri poslednej treti XVI – pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Krasnojarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2009.
7. Shirokov A.I. Social'naja sreda severnogo frontira (na primere severo-vostoka Rossii) // Vestnik TGU. 2007. № 299. S. 91–93.
8. Jakushenkov S.N., Romanova A.P. Novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoj i jekonomicheskoi situacii na Juge Rossii // Innovatika i jekspertiza. 2012. Vyp. 2. S. 74–80.
9. Romanova A.P. Topchiev M.S. Kavkaz kak vechnyj frontir //Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2014. №3.

10. Turner F. J. The frontier in American history. N.Y.: Courier Dover Publications. 1996.
11. Foster U.Z. Oчерk politicheskoi istorii Ameriki. M., 1953. 584 s; Efimov A.V. K istorii kapitalizma v SShA. M., 1934. 213 s.
12. Potto V.A. Kavkazskaja vojna. T.1. Stavropol': Kavkazskij kraj, 1994. S.12
13. Kazach'i vojska // Spravochnaja knizhka Imperatorskoj Glavnoj kvartiry / Pod red. V.H. Kazina. Reprint. izd-e 1912 g. SPb.: Dorval', 1992. S. 171.
14. Baddeli Dzh. Zavoevanie Kavkaza russkimi 1720–1860 gg. M., 2013. S. 22.
15. Shishov A.V. Shvatka za Kavkaz. XVII – XX vek. M.: Veчер, 2005. 497 s.
16. Barrett Tomas M. Linii neopredelennosti. Severokavkazskij «frontir» Rossii // Amerikanskaja rusistika. Vehi istoriografii poslednih let. Imperskij period: Antologija / Sost. M. Djevid-Foks. Samara, 2000. S. 163.
17. Kozlov S.A. Kavkaz v sud'bah kazachestva (XVI–XVIII). SPb.: Istoricheskaja illjustracija, 2002. S. 13.
18. Basalaeva I.P. Kriterii frontira: k postanovke problemy // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2012. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.teoria-practica.ru/>
19. Omel'chenko I.L. Terskoe kazachestvo. Vladikavkaz, 1991. S. 59.
20. Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnih vremen. SPb., 1880. Vyp. 1. S. 24.
21. RGADA. F. 127. 1649 g., D. 1, ll. 226–22.
22. Skrynnikov R.S. Social'no-politicheskaja bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1985. S. 6.
23. Lawson J. A New Voyageto Carolina, containing the exact description and Natural History of that Country, together with the present state thereof and a Journal of a Thousand Miles Travel'd thro several Nations of Indians, Giving a particular Account of their Customs, Manners. London. 1709. P. 29
24. Velikaja N.N. Oficial'noe pravoslavie i grebenskie kazaki v XVIII – nachale XX vv. // Pravoslavie v istoricheskikh sud'bah Juga Rossii. 2003. Vyp.16. S. 30–43.
25. Sheudzhen Je.A. Zona li frontira Severnyj Kavkaz? // Voprosy teorii i metodologii istorii: Sbornik nauchnyh trudov; Adyg. gos. un-t. Majkop, 2006. Vyp 5. S.3-15.
26. Kavkaz i Rossijskaja imperija: proekty, idei, illjuzii i real'nost'. Nachalo XIX – XX vv. SPb.: Zvezda, 2005. 720 s.